УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Ферез*

Малышева, Анна Витальевна.

М20 Ночь опасна: [роман] / Анна Малышева. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 416 с. – (Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой).

ISBN 978-5-17-151094-7

Долгожданная встреча с любовницей не предвещала ничего трагического, и даже странное место и время не смутили Олега. Но, явившись в назначенное место, он встречает другую женщину, и эта женщина оказалась мертва. Нина на свидание так и не пришла, зато на другой день ворвалась к Олегу домой и, сообщив, что кто-то пытается ее убить, попросила о помощи. Он решает найти убийцу по одной-единственной зацепке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151094-7

© Малышева А.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Он бывал в этом книжном магазине раз в неделю — не чаще. Это давно уже превратилось в традицию — обойти любимые отделы, бегло оглядеть полки, рассмотреть новинки... Если он что-то и покупал, то чаще всего в подарок. Матери — детектив, сестре — какой-нибудь роман на английском — та училась на переводчика. Трехлетнему племяннику Алеше — какую-нибудь яркую книжку, желательно с картонными страницами, чтобы труднее было порвать. Себе самому он редко делал подарки — книг в квартире скопилось столько, что думать следовало не о новых стеллажах для библиотеки, а о новой квартире.

В отделе подписных изданий у него была знакомая продавщица Таня — хрупкая блондинка с вечно разочарованными серыми глазами. Насчет ее возраста он колебался, но предполагал, что ей уже немного за тридцать. Скорее всего, они ровесники. И она тоже живет одна — это Олег знал точно, Таня сама как-то сказала. Наверное, девушка рассчитывала, что после такого заявления он проявит к ней мужской интерес, но он пропустил это заявление мимо ушей. Впрочем, она не обиделась.

— А, здравствуйте! — приветствовала она старого знакомого. — Вышел ваш маркиз де Сад. Еще два тома — какой-то роман.

Он перелистал книги и решил взять. Таня кривовато улыбалась, разглядывая у него через плечо иллюстрации.

— Разве интересно? — спросила она наконец.

— Ну конечно.

— А по-моему, чепуха. Я пробовала читать... И что все говорят — маркиз де Сад, маркиз де Сад! Ничего особенного.

Олег засмеялся и посоветовал ей меньше смотреть телевизор. После него все кажется пресным. Но Таня его уже не слушала. Она смотрела куда-то в сторону, и он вдруг заметил, что девушка вся как-то подобралась, будто кошка, заметившая мышь.

— Воруют? — он понизил голос.

Таня как-то пожаловалась, что, несмотря на все меры предосторожности, у них в магазине пропадает очень много книг. Для опытных воров защитная маркировка не представляет никакой трудности. Они просто сдирают ее — пилкой для ногтей, ножичком, а кто и просто острыми ногтями. И хотя охрана на выходе иногда просит предъявить чеки на купленные книги, это никакого эффекта не дает. Всех покупателей не проверишь...

— Нет, эта не ворует, — шепнула Таня. — Она по другой части... Нет, вы посмотрите только!

И, ничего не объясняя, бросила Олега и решительно направилась к высокой худощавой женщине в черном пальто. Та стояла спиной к ним, у дальних полок, и листала какой-то раззолоченный томик. Таня остановилась у нее за спиной, дождалась, когда женщина поставит том на полку, и демонстративно извлекла его обратно. Быстро перелистала книгу, достала оттуда какой-то листочек

размером с визитную карточку и резко, со стуком вернула книгу на полку.

Женщина следила за ней с каким-то странным видом — не то жалобным, не то укоризненным. Олег встретился с ней взглядом. Приятное лицо, гладкая прическа, никакой косметики. Белый меховой воротник придает ей нечто наивное, детское. Женщине около сорока — на первый взгляд... Одета прилично. Не воровка, но тогда кто же?

— Нате, почитайте! — Таня раздраженно сунула ему в руки листок из книги. — Чего они только не придумают!

Это и впрямь оказалась визитная карточка, напечатанная с помощью ксерокса на тонкой дешевой бумаге. Всем желающим предлагалось пройти на дому у опытного преподавателя курсы дикции и улучшить свое произношение. Номер московского телефона. Никакого имени.

— Она всегда кладет свои бумажки в русских классиков, — с возмущением добавила Таня. Женщина в черном пальто давно уже покинула отдел, но Олег все еще ощущал на себе ее умоляющий, покорный взгляд.

Он положил карточку в карман:

— Ну что ж, это логично. Она же учит правильному русскому языку.

— По-вашему, это логично и правильно? — возмутилась Таня. — Все книги перероет, все переставит, перепутает, а покупатели потом находят вот это...

— Неужели жалуются?

— Да нет, — девушка немного остыла. Таня всегда была готова возмутиться, но при этом быстро успокаивалась. — Просто меня это раздражает. Вы себе не представляете, сколько тут всяких ненормальных! Мы их уже всех в лицо знаем!

Подтверждая свои слова, она указала Олегу на полного мужчину в потрепанной зеленой куртке. Тот, ничуть не скрываясь, стоял рядом с ними и сосредоточенно читал

какую-то книгу. Аккуратно дочитав страницу до конца, он со вздохом закрыл том, поставил его на полку и записал что-то в маленький блокнотик. После чего, не подходя к кассе, покинул отдел.

— Это он записывает страницу, на которой закончил читать, — пояснила Таня. — Приходит каждый день и читает здесь. Страниц по тридцать прочитывает — хоть ты тресни! До трех часов он у меня, потом идет в другой отдел. Я намекала ему, что у нас магазин, а не читальня, но он же меня не слушает!

— Читать запрещено?

— Перегибать книги запрещено! — возмутилась она. — Книга же вида не имеет, если ее почитали! Так и будет на полке стоять — для него, любимого... И с визитками еще ходят — по крайней мере, двое. Только я их поймать пока не могу. Визитки нахожу, а их в лицо не знаю. Одна сует про тантрический секс — вы представляете? Ну, эта трогает только восточную литературу. А есть еще кто-то — тот машинописные работы предлагает, дипломы.

— Да у вас тут целая масонская ложа! — пошутил Олег.

Шутка Тане не понравилась. Она мрачно сказала, что у них тут прежде всего магазин. Народу толчется много, а чтобы росли продажи — пока что-то не видно. Люди приходят, смотрят и уходят.

— А есть и вовсе психи, — обиженно сказала она. Было видно, что девушка воспринимает все досадные мелочи очень близко к сердцу — может быть, поэтому ее глаза всегда смотрели так разочарованно. — Например, когда у нас встреча с писателями — психи прямо в очередь становятся. Один ходит с открыткой. Что там написано — никто прочитать не может, но адрес — генеральный прокурор России. Просит всех, чтобы подписали открытку. Ко мне тоже обращался...

— Вы подписали?

— Ага! — неожиданно призналась Таня. — Так, для хохмы. Он просто обалдел! Есть такие, которые тут пытаются собственные книги продавать, а есть, которые к писателям пристают, ругаются... Кого только нет! Я здесь, чтобы книги продавать, а мне приходится возиться с этим дурдомом...

Олег посмотрел на часы. Он уже опаздывал — точнее, опоздал. Наступил час пик, значит, на машину рассчитывать нечего, обязательно застрянешь в пробке... Нужно ехать на метро, а это — две пересадки... Он попрощался с девушкой, наспех схватил какой-то детектив — для мамы — и торопливо ушел.

Нина отменила уже два свидания — причем подряд. Такого еще не бывало, а ведь они встречались больше года. Можно было строить какие угодно предположения — у нее, в самом деле, возникли срочные дела... Что-то случилось дома — заболел ребенок, например, или приехали родственники, или испортилась сантехника... Но раньше, если случалось нечто подобное, Нина всегда звонила ему заранее — хотя бы за полчаса до встречи. И тут же, по телефону, назначала новое время. А теперь...

И вчера, и позавчера он ждал ее в кафе, где они обычно встречались. Это было маленькое, уютное кафе, всего в несколько столиков, в одном из переулков возле Страстного бульвара. Они давно стали здесь постоянными клиентами. Олег обычно приходил первый, а спустя полчаса появлялась она — румяная, задыхающаяся от быстрой ходьбы, — Нина всегда опаздывала и торопилась. Она бросала сумку на свободный стул, усаживалась напротив Олега и радостно протягивала ему руки — ладонями кверху, будто ожидая сразу двух подарков. Если у нее было время, они почти сразу отправлялись к нему домой — Олег жил неподалеку. Но если Нина спешила — а это бывало часто, — они

просто проводили полчаса в кафе, пили коньяк и обменивались новостями. Хотя бы несколько минут у нее всегда находилось... Но позавчера, когда он прождал ее в кафе почти час, она вдруг позвонила ему на мобильный телефон и упавшим голосом извинилась. Сказала, что находится на другом конце города. Срочное дело, ничего нельзя было предвидеть... Нет, сегодня никак не получится. Может быть, завтра? В то же время. Но и на другой день повторилось то же самое — с точностью до мелочей. Час пустого ожидания, две чашки кофе, и ее звонок. На этот раз она говорила так неуверенно, будто заранее знала — он уже не очень ей верит. Опять срочное дело... Да, связано с работой. Она даже не думала, что так задержится, а теперь уже поздно... Ничего не выйдет. Может быть, завтра? То же место, то же время... Пока!

Она ничего не объясняла — да и каких объяснений он мог требовать? С того самого дня, как они познакомились, Нина дала понять, что терпеть не может оправдываться. Никто не имеет права читать ей мораль и чего-то требовать. Ни ее друзья, ни супруг, ни родители... Это единственное, чего она никому не прощает. Тогда это звучало забавно — да и Нина улыбалась, говоря об этом. Сейчас, когда Олегу в самом деле нужны были объяснения, было как-то не до смеха.

«Но во всяком случае, она должна понимать, что три раза подряд — это уж слишком! — подумал он, сворачивая в знакомый переулок. Он пришел вовремя. — Если не придет сегодня, ей все-таки придется что-то объяснить. Мы взрослые люди, и если она решила со мной порвать — пусть скажет прямо... А то что это за детские увертки, в самом деле...»

Ее не было — хватило одного взгляда, чтобы в этом убедиться. Он взял обычный набор — коньяк, кофе без сахара. Достал из кармана сложенную газету, закурил. Дал

себе слово не смотреть на часы — по крайней мере, слишком часто...

Нина позвонила через полчаса. Услышав ее голос — такой ясный, будто она сидела за столиком, Олег с трудом сдержался. Ему хотелось сказать что-нибудь язвительное — например, спросить, не перепутал ли он время? Может быть, они должны были встретиться завтра?

Но она заговорила так устало и грустно, что у него не хватило духу иронизировать.

— Ничего не получается, — сказала Нина. — Ради бога, прости.

— Случилось что-то серьезное?

— Да... Нет.

Она говорила как-то странно — уклончиво, будто с чужим человеком. Никогда он не слышал у нее такого голоса. Ему очень нравилась в Нине именно ее жизнерадостность — эта женщина почти все время улыбалась, шутила, представить ее усталой, раздраженной или плачущей он просто не мог. Олег давно заметил, что рядом с нею и другие люди начинали улыбаться — совершенно бессознательно. Ее оптимизм был так заразителен! А теперь от него и следа не осталось. Нина еле слышно предложила перенести встречу на другое время...

— На завтра? — переспросил Олег. Без иронии, уже с тревогой. Что-то случилось, а она не желает откровенничать.

— Нет... Завтра может быть то же самое.

— Нина, что происходит? Я ведь могу помочь!

— Нет-нет, ничего страшного, — перебила женщина. — Я бы попросила тебя помочь, но сейчас просто не нужно!

— Что-то с ребенком?

— Нет, Дианка здорова.

— С... мужем? — Он сделал паузу. О ее супруге они почти никогда не говорили. Запретная тема — да и к чему ее обсуждать? Нина как-то прямо сказала, что дорожит своей семьей и пусть Олег не обижается. Если их связь аморальна — то, во всяком случае, здесь только ее вина. И ревность тут неуместна. Если кто и должен ревновать — то это ее муж. А он все знает — не может не знать. Но молчит.

— Нет, все в полном порядке. — Нина помедлила. — Только, пожалуйста, не думай, что я хочу от тебя избавиться.

— Я и не думаю. Ты бы так и сказала.

Она как будто удивилась:

— Да, ты думаешь? Наверное... Знаешь, я сейчас тороплюсь и просто не могу сообразить, когда у меня будет время. Давай я тебе перезвоню, чуть попозже?

— Завтра?

— Может быть, сегодня.

И снова этот уклончивый, странный тон. Олегу показалось, что где-то на заднем плане он слышит еще чей-то голос. Мужской. Мужчина говорил очень быстро, и скорее всего, это было радио или телевизор. Она звонит из машины или из дома.

И тут он испытал приступ самолюбия. Отменялась третья подряд встреча, а четвертая была под большим вопросом. Она даже не знает, когда ему позвонит. Ничего не обещает. Впрочем, она никогда ничего и не обещала. Вот уже год он жил по ее графику — являлся на свидания, когда у нее было время, звонил, когда она разрешала, ни о чем не спрашивал, ничего не просил. Собственно говоря, чего ради? Год назад ради Нины он расстался с другой женщиной — а ведь все считали, что они в конце концов поженятся. С той все было с точностью до наоборот — это она к нему подстраивалась, боялась задавать вопросы и дик-

товать условия. Мало-помалу он начал ее за это презирать. Потом перестал выносить. Что сейчас происходит с Ниной?

— Завтра я не смогу, я уеду, — твердо сказал он. — Возможно, на неделю.

Молчание в трубке. Тихий вопрос — куда он едет?

— За пределы области. В другой город.

— Ты не говорил об этом...

— Иначе ты бы сегодня пришла?

Пауза. Нина вздохнула:

— Ты обязательно хочешь встретиться сегодня? Я освобожусь поздно. Может быть, в полночь. И буду уже совсем никакая.

Олег ответил, что полночь — хорошее время. Правда, это кафе закроется, но они могут пойти куда-нибудь еще. В районе Мясницкой всегда можно куда-нибудь попасть. И в этот час еще не поздно заказать столик в ресторане.

Она поколебалась и неожиданно согласилась:

— Ладно, в полночь, если ты уезжаешь. В самом деле, нужно бы поговорить. Только давай не в кафе? У меня будет мало времени.

— Так что — на улице?

Нина задумалась и наконец сказала, что удобнее всего будет увидеться в районе Чистых прудов. Можно даже на берегу пруда, на лавочке — напротив того ресторана, где они бывали полгода назад. А потом они просто посидят у него в машине и поговорят. И он отвезет ее домой, договорились?

Нажимая кнопку отбоя, он подумал, что Нина все-таки незаурядная женщина. Ну кто еще назначил бы ему свидание в полночь, на улице, да еще в такую погоду? Ведь с часу на час пойдет снег. Она просит отвезти ее домой — значит, будет не на машине. Машина только у ее мужа,

а сама Нина садится за руль очень редко и водит плохо. Значит, она придет пешком или приедет на такси.

Впрочем, придет ли? Он допил коньяк и подумал, что ждать в теплом кафе — одно дело, и совсем другое — мерзнуть ночью на берегу пруда, рискуя назавтра свалиться с ангиной. Но если она опять его обманет — это будет уже в последний раз. Всему есть предел.

* * *

Ноябрь, деревья на бульваре оголились. Истоптанные газоны покрыты ледяной коркой, на дорожке — затвердевшие к ночи лужи. Он ступал осторожно, чтобы не поскользнуться. Здесь было темно, область света кончалась за чугунной оградой. Там даже в этот час было движение, какая-то жизнь. Грузно, медленно прогрохотал трамвай — поздние пассажиры сидели отчужденно и неподвижно, как восковые куклы. Горели неоновые рекламы ресторанчиков — их тут было особенно много. По тротуару двигался парень с овчаркой на длинном поводке. В какой-то момент они поравнялись — парень там, на свету, он здесь, во тьме. И Олегу приятно было знать, что тот его не видит, тогда как сам виден превосходно. А если парень что-то и разглядит, то это будет всего лишь силуэт в пальто. Без лица, без возраста и примет. Кроме него на дорожке никого не было. Он обернулся к началу бульвара и убедился — никого. Только черный силуэт памятника — далеко, у метро. Там он оставил свою машину — специально, чтобы Нина прошла с ним весь обратный путь. У них будет время поговорить — все-таки это совсем не то, что за рулем. Конечно, если она все-таки придет, не испугавшись времени и места.

Нина должна ждать его дальше — там, где морщился на ветру оранжево-черный ночной пруд. Олег прибавил шагу, начиная различать фигуру, сидящую на одной из

скамеек. Как будто она. Голова опущена, подбородок зарылся в меховой воротник. Сумка стоит на земле — как будто совсем не нужна хозяйке. Ему пришлось подойти вплотную, чтобы убедиться — эту женщину он не знает. Олег даже хотел извиниться — чего доброго, решит, что к ней пристают.

Но она сидела так смирно, удивительно спокойно на резком ледяном ветру. Как будто спала с открытыми глазами — такими же оранжево-черными, как и вода в пруду от света фонарей. Он все-таки извинился — она не ответила. Ветер взъерошил ее белый меховой воротник, и вот тут он заметил тонкую, уже запекшуюся струйку крови, перечеркнувшую круглый подбородок.

«Помада... — подумал он. Мысли были странные, текучие, будто во сне. — Размазалась помада». Но помады на губах у этой женщины не было. Прямой застывший взгляд, тщательно приглаженные темные волосы. На ветру метался и бился отделившийся от пробора одинокий волосок. Хотелось протянуть руку и успокоить его, раз уж сама хозяйка...

«Да ведь она мертва!» Олег выпрямился и огляделся по сторонам. Никого, черт возьми! Некого позвать на помощь! Что делать? Выскочить на проезжую часть и голосовать машинам? Бежать в ближайший ресторанчик? Уже за полночь, машин все меньше. Ближайшую милицейскую машину можно найти у метро, а отсюда туда минут десять — и то бегом. Если бросить эту женщину, с ней может что-нибудь случиться.

«С ней уже ничего не случится, — раздавшийся в голове голос был неожиданно спокойным и ироничным. — Она ведь умерла. Самое большее — могут украсть ее сумку и освободить от пальто. И все-таки лучше далеко не отходить. Где Нина? Это она должна была прийти сюда!»

И тут, немного успокоившись, он понял, что нужно делать. Достал телефон и набрал номер. Вызвал патруль,

объяснив, что именно произошло, назвал точное место. Пока ехала машина — а она прибыла минут через семь, не позже, — Олег сидел на другом краю лавочки и курил сигарету за сигаретой. Всего он успел уничтожить три штуки. Время от времени он косился на женщину, будто надеясь, что она вдруг оживет. Оглядывал бульвар — не идет ли Нина? Если она опоздает, то явится одновременно с патрулем. Да, четвертое свидание тоже сорвалось. Почти. Он, конечно, встретился с женщиной, но совсем не с той...

Ему вдруг захотелось сбежать. Он начинал бояться этой оцепеневшей фигуры, уже безразличной ко всему на свете — в том числе к своему соседу по скамейке. Она умерла, это ясно, но почему? Что случилось? Сердечный приступ? А эта кровь на подбородке? Кровоизлияние в мозг? Наркотики он отмел сразу — не тот возраст, не тот социальный слой. По виду она, скорее всего, скромная служащая, может быть, учительница. Что-то в этом роде. Убийство? Но как же ее убили? И почему она сидит в такой спокойной позе? Явно не ограбление — иначе исчезла бы сумка...

Он нагнулся и поднял сумку с дорожки. Она была раскрыта, Олег заметил внутри щетку для волос, носовой платок... Блеснул светлый кожаный бок кошелька. Да, не ограбление. И еще внутри маячила пачка нарезанной бумаги. Он раскрыл сумку пошире, вгляделся, достал один листок.

И вскочил, вглядываясь в ее лицо. Она! Как же он не узнал! Быть не может — но тем не менее это та самая женщина из магазина, которая сегодня прятала в книгах свои визитки! Точно такая же визитка лежала у него в кармане пальто — он взял ее у Тани.

«Господи помилуй! Вижу ее второй раз в жизни, и вот она мертва!» Он вспомнил магазин и нервные, быстрые движения, которыми эта женщина перелистывала книги. Ее загнанный взгляд — когда он встретился с ним, то

пожалел ее. Таня была с нею резка, может быть, жестока — ну какой вред могла принести эта скромная дама, вкладывавшая в книги свои рекламки? Может быть, у нее просто не было другой возможности заявить о себе. Может быть, объявления в бесплатных газетах не давали эффекта. Или она предпочитала именно такой вид рекламы. Что ни говори, а человек, покупающий определенные книги — уже потенциальный клиент. Кто-то вкладывает свои рекламки в восточную литературу, кто-то — в русскую классику. Интересно, сколько клиентов ей удавалось найти таким образом? Во всяком случае, она не бедствовала. Пальто почти как у Нины, а та в деньгах не нуждалась. Сумка из натуральной кожи. Что с ней случилось, почему она оказалась здесь в такое странное время?

Когда приехала патрульная машина, Олег первым делом признался, что держал в руках сумку покойницы — на тот случай, если заинтересуются его отпечатками. Он сказал, что гулял перед сном — это было почти правдой. Назвал свой адрес, предъявил документы. В самом деле, он был прописан неподалеку. Особого интереса к нему не проявили, и он был этому рад. Если бы пришлось говорить о Нине... Какое право он имеет впутывать сюда замужнюю женщину? Она может сколько угодно говорить, что муж все знает, но ей было бы неприятно...

А Нина так и не появилась. Когда Олег, уже после часу ночи, садился в свою машину, он подумал, что стоит ей позвонить. Но не решился этого сделать. Руки дрожали — нервы, ночной холод. Поздно звонить. Она бы и сама позвонила, но если не сделала этого — значит, была занята более важными делами. Кажется, это конец. Стоит ли назначать пятое свидание?

* * *

Он решил ей не звонить. Достаточно. Вполне достаточно. Она слышала, что завтра он уезжает, и поняла намек, что в последующие дни они не смогут увидеться. Если все это хоть сколько-то для нее важно — она позвонит сама этой же ночью. Хотя бы для того, чтобы извиниться перед человеком, который ждал ее в полночь на зимнем ветру. Они не дети, и ни о какой любви между ними не было сказано ни слова. Это не ее первый роман, это не его первая связь. У нее — муж и ребенок. У него — в общем, ничего. Первый брак распался так давно, что он забыл лицо той женщины. Не осталось ни детей, ни материального ущерба, ни даже моральных травм. Когда они поженились, то были так молоды, что не представляли, как два человека могут жить вместе. Последние лет шесть они не виделись. Ее имя он вспоминал только тогда, когда приходилось перелистывать свой паспорт, где стояла отметка о браке.

Нина не позвонила. В шестом часу утра пошел снег — первый в этом году. Он выключил видео, которое смотрел всю ночь, и лег спать. Через три дня нужно сдавать в издательство готовый перевод, а работы осталось на неделю. Значит, нужно выспаться, а потом выпить кофе, обо всем забыть и сесть за компьютер. В общем, он не лгал Нине, когда говорил, что уедет. Ближайшие дни он проведет в Нью-Йорке — том городе, где происходило действие переводимой книги. Если она позвонит, он скажет, что у него нет времени.

Когда он открыл глаза, в комнате стоял ослепительный белый свет. Занавески были не задернуты, а за окном — зима. Настоящая зима — он видел, как там невесомо летают снежные хлопья. Почему он проснулся? Будильник не заведен, телефон молчит. Время... чуть за полдень. Можно еще спать и спать.